

НАША СТРАНА

Год издания 69-й. Буэнос Айрес, 18 марта 2017

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 18 de marzo de 2017 No. 3057

СПИТЕ ОРЛЫ БОЕВЫЕ...

Светлой памяти Олега Николаевича Плескачёва (1921-2017), лейтенанта Русского Корпуса на Балканах

Олег Николаевич был одним из последних ветеранов Русского Корпуса, сражавшегося против красных титовских партизан в Югославии. После окончания Второй Мировой он, вместе с тысячами других Белых русских беженцев, перебрался в Южную Америку, и большую часть жизни прожил в Венесуэле, в Каракасе, где и встретил свою кончину.

Первое моё заочное знакомство с Олегом Николаевичем состоялось более четверти века назад, когда другой бывший боец Русского Корпуса, подпоручик Николай Николаевич Протопопов стал высылать мне журнал “Наши Вести” - издание Союза Чинов Русского Корпуса. На страницах «Наших Вестей» я и прочёл воспоминания о службе в Корпусе, написанные Олегом Николаевичем: его записки публиковались с продолжением, и были написаны настолько лёгким и увлекательным языком, что прочитывались на одном дыхании.

Прошло с тех пор двадцать четыре года - и вот, на страницах аргентинской “Нашей Страны”, рядом с одной из своих публикаций, я увидел письмо читателя газеты, подписанное знакомым именем - Олег Плескачёв. Сразу же вспомнились мне те воспоминания Олега Николаевича, что за четверть века до того читал я на страницах “Наших Вестей”. Я ещё, помню, искренне удивился и обрадовался: ведь, учитывая возраст автора письма, я полагал, что его давно уже нет в живых - ан, нет! - Олег Николаевич не только был жив и здоров, но и не утратил вкуса и интереса к жизни: регулярно читал “Нашу Страну”, поддерживал переписку с редакцией газеты...

В тот же день я написал Н. Л. Казанцеву письмо: мне захотелось связаться с Олегом Николаевичем, и лично поблагодарить его за те его записки о службе в рядах Русского Корпуса. А редактор “Нашей Страны” ответил мне, что - да, Олег Николаевич жив и здоров, и, даже не смотря на свой преклонный возраст, вынужден продолжать трудиться, чтобы обеспечить себя: ведь после того, как в Венесуэле пришли к власти социалисты во главе с Уго Чавесом, уровень

жизни там очень сильно упал...

Как бы то ни было, но благодаря посредничеству Николая Казанцева, нам удалось установить с Олегом Николаевичем Плескачёвым сначала переписку, а потом и несколько раз беседовать с ним по видеосвязи, посредством программы skype. Тогда и рассказал мне Олег Николаевич о том, что те его воспоминания, что я читал на страницах “Наших Вестей”, легли в основу написанной им книги о Русском Корпусе “И я там был...”:

“Во время одного из наших корпусных праздников, на который съехались корпусники из США и стран Южной Америки, - рассказывал Олег Николаевич, - редактор “Наших Вестей” Николай Протопопов предложил мне записать мои воспоминания, и переслать ему для публикации в журнале. Прежде я никогда не писал ни для газет, ни для журналов, поэтому согласился не сразу, но - согласился. А потом, уже после первых публикаций, когда Протопопов сообщил мне, что мои записки читатели “Наших Вестей” встретили очень и очень благожелательно, я почувствовал, что это - очень важно, что я обязательно должен рассказать обо всех, кого помню, и обо всём, чему был участником и свидетелем. Кроме того, я уже знал тогда, что часть тиража Протопопов посылает читателям в Россию, и для меня это тоже было очень важно: мне хотелось рассказать о нас, о Корпусе и вам...”.

Свою книгу, а также многочисленные сканы фотографий и документов, имеющих отношение к Русскому Корпусу, Олег Николаевич переслал мне. Вместе с моим другом, издателем из Уфы, мы загорелись идеей издать книгу воспоминаний Олега Николаевича Плескачёва здесь, в России.

Правда, перед изданием рукописи требовалось сделать её вычитку и корректуру - на профессиональном жаргоне это называется “ловлей блох”: нужно было исправить опечатки, вставить пропущенные запятые и т. д.. Этим стал заниматься я, и... и - “утонул” в авторском материале: вместо того, чтобы делать корректорскую правку, я просто ушёл с головой в содержание книги, совершенно забыв о запятых и опечатках. Так и осталась эта работа недоделанной, а потом... потом наступили немного иные времена, и издание пришлось отложить до времён более светлых.

Простите нас великодушно дорогой Олег Николаевич! Вечная Вам память, светлая и добрая! Скорбим вместе с дочерью дорогого Олега Николаевича, вместе со всеми, кто знал этого прекрасного, открытого, доброго и весёлого человека. Царствие ему Небесное!

Роман Днепровский

Волею Божией 20 февраля сего года на 96-ом году жизни в городе Каракас, Венесуэла скончался верный сын Исторической России, боец Русского Корпуса на Балканах

ЛЕЙТЕНАНТ
ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ПЛЕСКАЧЁВ

о чём с неподдельной скорбью сообщает редакция “Нашей Страны” и выражает своё соболезнование дочерям покойного Клавдии Олеговне и Надежде Олеговне, а также всем ныне здравствующим чинам Русского Корпуса. Царство Небесное и вечная память доблестному белому воину.

НЕВОСПОЛНИМАЯ ПОТЕРЯ

Скончался подпоручик Русского Корпуса Олег Николаевич Плескачёв. Честно говоря меня потрясло, словно потерял близкого человека, слезы невольно наворачиваются. Сожалею, что раньше не смог познакомиться с таким замечательным человеком.

Возьму на себя смелость, я потерял друга. Знакомы мы с Олегом Николаевичем всего год. Созванивались по телефону, переписывались по электронной почте. Ради этого Олег Николаевич приобрел русскую клавиатуру и стал осваивать компьютер. Шутил по этому поводу: «Прошу Вас не обращать внимания на мои ошибки и правописания, но, они неизбежны для Молодого ученика в своих юношеских попытках осилить сию премудрость».

Он был веселым и открытым человеком, после каждого разговора с ним становилось легче на душе. Как говорят на востоке, беседа с хорошим человеком оживляет сердце. Будучи настоящим русским патриотом, он переживал то, что происходит в России, и свято верил, возрождение наступит и вернется её былая слава. Памяти Олега Николаевича, перефразирую эпиграмму из будущего сборника о Русском Корпусе:

Он был верным до конца,
Он жил от первого лица,
И совесть не менял за мзду,
И крест на красную звезду.

Приношу соболезнование Клавдии Олеговне и Надежде Олеговне и всем близким и родным. Вечная память и Царствие Небесное воину Олегу.

Н. Бечин

ОЛЕЖКА!

Олежка! – так его звали друзья, коих у него было великое множество. Так и мне было разрешено его называть, но я не смел воспользоваться этим.

Мы познакомились в Каракасе в 2007-м, в самом начале съёмок фильма о русской колонии в Венесуэле «Кто ты такой?». В среде русской эмиграции свойственно мгновенно переходить на «ты» вне зависимости от возраста собеседника-мужчины. Нам же, бывшим подсоветским, такой переход даётся с трудом. Но Олег был тем человеком, с которым общаться на «Вы» не получалось. Открытая миру и людям душа, веселый нрав и постоянная готовность к шутке требовали твоего соответствия, каким и было «Ты».

Свою хитроватую монголоидную внешность Олег получил от бабушки-киргизки. Вот его собственный рассказ – а рассказчиком Олег был поразительным!

«Мать моя – полу-киргизка. Давным-давно, в степях киргизских, после одного большого бурана, люди заметили большой сугроб, и как будто над этим сугробом вился парок. Остановились, разгребли снег и нашли замёрзшую киргизку и на груди ее, замотанная какими-то тряпками, лежала девочка, ещё живая. Взяли ее, обогрели и в Астрахани передали священнику. Батюшка полюбил её как свою дочку, и он сам, и матушка прямо над ней дрожали. Прошло какое-то время и узнали об этом киргизы. «Как это? Как так? Наша киргизка у священника? Отобрать! Она наша!» И когда священника известили об этом, он быстро крестил её, дав имя Анастасия. Примчались киргизы к дому, на лошадях – верни девочку! Он выводит ее, а на груди у нее крест. «Как?» А вот так... Всё, и они умчались, девочка выросла, вышла замуж и родилась моя мать, Надежда».

И ведь так хитро и увлекательно строил Олег свои «поэмы», что никогда не угадаешь, что правда, а что допридуманно «по ходу песни». Но ведь и допридуманное было правдой, ибо «из песни слова не выкинешь!» «И так далее всё» - его любимая приговорка, склеивавшая воедино любые его рассказы.

Отец Олега, Николай Филиппович, инженер-строитель по образованию, участник Великой и Гражданской войн в саперных частях, был эвакуирован из Крыма и попал в Галлиполи, где заболел тифом. Госпиталь – в нём сестра милосердия Надежда – любовь с первого взгляда человека, едва преодолевшего кризис и едва пришедшего в сознание... Таких историй я знаю не один десяток.

Олег родился в сентябре 1921 года в сербском городе Панчево, вблизи Белграда, в знаменитом русском госпитале, где увидели свет Божий тысячи детей русских эмигрантов. В семье их было двое: старший Олежка и брат Юрка. Достигшего школьного возраста Олега отец привез в русский интернат в Словении в местечке Храстовец, неподалеку от Марибора. Представьте себе огромный (особенно для детей!) старинный замок, с башнями, в котором живут и ходят в классы триста мальчиков и девочек. Все носят форму. «Девочек воспитывали как институток, а нас – как кадет, только без погон», – расскажет на съёмках Олег.

Его счастье, что он там был с родным человеком – с братом. К

большинству из учеников родители не приезжали из-за нехватки денег, каникулы, пасхальные и рождественские дети проводили в замке. Но их не забывают и в этом далёком далеке: приезжали артисты, бывал легендарный генерал А. П. Кутепов. Читал юморески Чехова знаменитый режиссер Юрий Ракитин, вызывая повальный детский смех в зале.

Прошли четыре года обучения Олега в начальной (основной) школе и братьев забрали домой. «Дом» – временная квартира – на руднике в Заячаре, где в то время работал маркшейдером отец.

Для продолжения образования братья рвались в кадетский корпус. «Я себя воякой чувствовал уже с самого детского возраста. Я помню, что в 8-9 лет, я выстрагивал деревянные мечи... Мальчишки местные – я им делал мечи, делал самому себе, мы бегали по полю с криками «Ура!» и рубили этими мечами головки цветов. Наступали».

Но мать твёрдо сказала «Нет!» и отдала старшего в классическую сербскую гимназию в Белграде, куда Олег пришел едва разговаривая по-сербски. «Очень тяжелый был год», – признался он. С первого класса учили французский язык, с третьего – немецкий. А в пятом, когда «выучили» французский, было предложено выбрать другой иностранный. Олег выбрал – русский. Профессор-серб был потрясен его успехами.

Основные друзья братьев Плескачёвых были конечно же из 1-й русско-сербской гимназии, с ними они ходили на занятия в группу допризывной подготовки подполковника М. Т. Гордеева-Зарецкого.

Маршировали с деревянными винтовками. Фехтование, бокс, джиу-джитсу, военная теория и занятия на местности. А на стрельбище били по мишеням уже из настоящего оружия...

На зависть старшему брату Юра оказался снайпером. Именно с тех пор оружие стало Олеговой страстью на всю жизнь! (Во время войны Юрий на спор вставлял в расщелину дерева боевой патрон и шагов с 50-ти попадал точно в капсулю. Получалось бум-бум!)

В 1939-м тяжело заболел отец, Олег бросил учение и поступил на рудник простым рабочим. Позднее его с помощью крестного отца, главного бухгалтера Министерства Путей Сообщения, устроили в Белграде помощником заведующего архивом министерства. «Валял дурака...», – так сказал о этой своей службе Олег. Когда отец выздоровел, родители, забрав младшего сына, уехали работать в провинцию, а Олег остался в столице при крестном и вернулся в гимназию, но уже «частным учеником».

Так в трудах и юношеских радостях пришёл конец обучению, а с ним и конец мирной жизни. В апреле 1941-го, ранним утром в Вербное Воскресенье, немецкая авиация подвергла беззащитный Белград чудовищной бомбардировке. Выли городские сирены, выли сирены пикирующих бомбардировщиков. Город горел...

«А впечатление моё? Я не знаю: сказывался ли дух отца, который прошёл войну, революцию, белую армию? Я был будто бы старый вояка. Я хоть и балбес, но я отнёсся к этому как к чему-то совершенно обычному во время войны. Я ходил

по улицам, смотрел как женщины в ужасе насчёт этой бомбёжки. И по чулкам у них течёт моча... трупы, кровь и так далее всё. Я почему-то хотел всё это узнать, получить полное впечатление».

Через десять дней Югославия капитулировала. Страну оккупировали немцы и их союзники. Отец попал в плен и был увезен в Германию. Многолетняя русская колония в Югославии оказалась в чудовищной ситуации вспыхнувшей гражданской войны в приютившей их стране, оккупированной при этом немцами. После нападения Германии на СССР по сигналу Коминтерна в дело вступили отряды коммуниста Тито, первыми жертвами которых стали белые русские.

Так прошло полгода до начала формирования Русского Корпуса. Олег и Юрий Плескачёвы оказались в караульном взводе поручика Владимира Гранитова и первыми вошли в Топчидерские казармы.

«И мы пошли эти казармы охранять, чтобы их не занимал никто. Для формирования Русского Корпуса. И вот пошли, пошли, пошли... Я помню, я стоял, как часовой, и около меня проходили и проходили. Русские! Где здесь корпус? Где формируется Корпус? Я, стоя на часах, указывал, какая казарма и куда обращаться и так далее всё. Двойной пост... Это было как взрыв!»

Своё боевое крещение Олег, так же как и скончавшийся в ноябре прошлого года Виктор Сапронов, получил в победном бою юнкеров на руднике Столице.

Олег Плескачёв прошёл службу в Корпусе от «звонка до звонка», дослужившись от рядового юнкера до лейтенанта. За храбрость был награждён Железным Крестом.

В 43-м при отступлении он потерял брата: Юрия, с тяжелым воспалением легких, отправили в госпиталь, а по окончании войны выяснилось, что брат исчез. Никаких его следов Олег не нашёл.

Никто лучше Олега не рассказывал о Русском Корпусе. Несколько лет подряд в своей небольшой квартирке в Каракасе он выстукивал на пишущей машинке свою замечательную книгу «И я там был...». Это самая добрая книга о войне, которую я читал в своей жизни. Многие из неё рассказано Олегом на съёмках фильма «Русский Корпус. Свидетельства», в котором Олег, конечно, самый запоминающийся свидетель. К большому сожалению ему так и не удалось взять в руки изданную книгу – она остается в полностью подготовленной к печати рукописи у дочери Клавдии.

Вот его посвящение на первой странице книги: «В память той великой родины, которую мы знаем и не знаем. В память тех русских, которые её создали великой и могучей. В память великих традиций, в память отцов, сумевших их влить в нас. В память русского солдата. В память павших и в память живых».

Вообще говоря, и сам фильм в некоторой степени творение Олега, он связал меня, как режиссера, почти со всеми участниками съёмки. Он видел готовый фильм. Одобрил, лишь посоветовав хотя бы немного сократить... болтуна Плескачёва! На съёмках в Каракасе произошёл эпизод, который я помню до сих пор. Разговор шел о полковнике Анатолии Ивановиче Рогожине, принявшем в конце апреля 1945 го-

да командование Корпусом по-сле смерти генерала Б. А. Штейфона.

До капитуляции Германии оставалось десять дней. Я, как-то не очень подумав, предположил, что в самом конце уже проигранной войны Рогожин мог и отказаться от должности командира Корпуса.

В ответе Олега – весь он, весь его характер, вся его душа: «Как же можно отказаться, имея под командованием несколько тысяч человек?! Это же трусость! Если человека просят: прими командование, зная, видя это тяжелое положение... Это было бы трусостью! Тем более – старый русский офицер, бывший гвардеец Государя Императора Николая Второго! Как же блестящий офицер может отказаться от этой должности?! Прости меня... Геройский человек! Умница. Он нас спас...»

Олег отвернулся, с трудом сдерживая слезы...

Сдача Корпуса в плен англичанам, сдача оружия стала для него настоящей трагедией. «Нами овладела колоссальная злость. Не доделаю дело! Не сумели!»

Плескачёв недолго пробыл в лагере для военнопленных. Любовь к оружию и авантюрный характер сыграли с ним злую шутку. Он был арестован, попал под суд, но был осужден на очень короткий срок, судьей, которому удалось каким-то образом понять, что за человек стоит перед ним. Остаток плена Олег отбывал в «особом батальоне», где находились те, кого по разным причинам в лагерь корпусников не допускали. Два года работал.

В 1947 году, вместе с друзьями-корпусниками, он выехал в мирную жизнь, в Венесуэлу. Как и многие русские, прибывшие туда, Олег поначалу обосновался в Валенсии. Служил автотехником, водителем автобуса. Там сложилась шумная компания русских топографов. Они – оставшиеся в живых в войне Второй Мировой – были молоды и веселы и жили в стране, более века не знавшей войны.

Женившись на русской девушке Ольге Козубской, Олег переехал в Каракас, где многие годы служил разъездным агентом в разных фирмах. Продолжить образование ему не удалось. Семья выросла: родились две девочки: Надежда (в память матери) и Клавдия. Он жил очень скромно и продолжал работать даже в 90 лет.

Олег не принял церковного единения с Московским Патриархатом, оставшись верным прихожанином Русской Зарубежной Церкви.

Именно на своё 90-летие Олег получил замечательный подарок от дочери: поездку в Россию. Родина поразила его: он ходил, захлебываясь впечатлениями, правда, заметив мне однажды с сожалением, что от старой русской речи не осталось и следа. Побывал в Москве и в Петербурге. Был крепок и полон сил...

А теперь его с нами нет. Но ведь это правда, что такой светлый человек, как Олежка Плескачёв, не может исчезнуть навсегда?

От Русского Корпуса осталось четыре человека: Георгий Шеффер, лейтенант, последний офицер Корпуса, США. Георгий Нестеров, ефрейтор. Швеция. Александр Янушевский, юнкер, Аргентина. Анатолий Калашников, унтер-офицер, Аргентина.

Михаил Ордовский

ЗАЖГЛАСЬ ДРУЗЬЯ МОИ ВОЙНА...

Из неизданной книги воспоминаний лейтенанта Русского Корпуса Олега Николаевича Плескачёва

22 июня 1941 г. германские войска ворвались в СССР. Война! Как гром и молния из чистого неба обрушилась на нас, молодежь, эта весть, и я уверен, что наши отцы и русские в Сербии уже давно предчувствовали такое развитие событий. Как море, всколыхнулась русская эмиграция в Сербии, появились первые рвущиеся на фронт, стали обивать порог немецкого командования.

Несмотря на то, что жестокий перелом жизни и порядка её во время короткой войны с Германией прервал деятельность государственных учреждений, временное правительство под опекой немецкой оккупации восстановило в кратчайший срок обычную жизнедеятельность Сербии. Занятия в школах и гимназиях начались, наверстывали упущенное ввиду приближающихся каникул.

Университеты бездействовали. Начало войны с Советами совпало с каникулами. Училищный год в гимназии Русского Дома был окончен, кадетский корпус и девичий институт в Белой Церкви у Панчево за Дунаем закрылись, и вся эта масса русской молодежи в большинстве своем ринулась в Белград. Русский Дом с утра до вечера кишел народом разного возраста, пришедшим по разным причинам. Была открыта одна канцелярия, выдающая нужные удостоверения или принимающая прошения желающих.

Были открыты курсы на различные военные темы для бывших военных. Действовали дамские комитеты помощи бедным и беженцам из провинции, и, конечно, везде и всюду бурлила кипучая масса гимназистов и кадет. И совсем отдельно существовали группы людей, приходящих узнать новости и злободневные слухи, а другие занимались тем, что распускали утки-шутки, сообщая их тем, кто был рад послушать и в свою очередь передать их дальше. Но общей темой разговоров, рассуждений и мнений была, конечно, война на Востоке. Бывало, старики отчаянно спорили, брызгая слюной и выпучив глаза, приставив ладонь как рупор к уху. И не дай Бог вмешаться в разговор или в спор: загрызут!

Нас, молодежь, война интересовала своими событиями, но, помимо этого, были и другие предметы, достойные уважения, такие как спортивные площадки, гимнастический зал, библиотека. Группы девушек и молодых людей, смеясь и балагурия, проводили время. Гимназисты чувствовали себя дома, а бывшие кадеты, привыкшие в корпусах к распорядку дня, к строю и дисциплине, ощущали себя не в своей тарелке в этой вольной обстановке «шпаков»; искали свой утерянный быт.

И они его нашли - в группе молодежи полковника Гордеева-Зарецкого! Порядок, воинственный дух, строй и дисциплина - всё это пленяло и манило. А такие забавы, как фехтование, борьба, бокс и джигу-джигу, увлекали сами собой.

В группу стали записываться. Порядочное число гимназистов, перенявших воинственный дух от отцов, примкнули тоже.

Вскоре вместо взвода в 20-25 человек уже стояла рота в 120-130 человек. Принимали туда с 17 лет. Воодушевленный приливом идейной молодежи, полковник Гордеев-Зарецкий не дремал, прив-

лёл молодых инструкторов по гимнастике и спорту, нескольких преподавателей, читавших лекции на разные темы, включая разбор военных действий. Заинтересовал одного русского фабриканта одежды, и тот за свой счет, как подарок в память о своем сыне, одел отряд в защитного цвета гимнастерки. И уже иначе выглядел наш строй, где все были одеты как один, правда, брюки были у каждого собственные, темного цвета.

Иногда посещали нас влиятельные лица русской эмиграции, такие как генералы Скородумов и Крейтер, восхищались нами и говорили, что есть смена молодая и что будет порох в пороховницах. Веселый дух царил в роте, шутки, смех, и в распоряжение этой молодежи Русский Дом предоставил огромный гимнастический зал.

А тем временем события шли своим чередом. Для своих целей на Востоке немцы стали вербовать молодых добровольцев из рядов русской эмиграции 25-летнего возраста, но допускались и моложе.

Как потом выяснилось по рассказам сведущих лиц, занимались они подрывной деятельностью в тылу у Советов. Проходили, как потом рассказывали, плохую подготовку, после чего их, переодетых в форму советских солдат, забрасывали за линию фронта, в тыл советских войск. Желаящих идти была масса.

Духовный подъем был колоссален, и такое бескорыстное рвение послужить родине я видел первый раз в моей жизни, а во второй - в дни создания Русского Корпуса. Вербовкой занимался некий Баумгартен, и в течение дня у него в помещении всегда было много народу. Одни записывались, другие наводили справки, шныряли любопытные или шпики и целые группы о чем-то толкующих людей. Две партии записавшихся были отправлены, и вдруг запись прекратилась по приказу немцев. Чудом вернувшиеся рассказывали, что фактически их посылали на убой из-за плохой подготовки и незнания советского быта.

Тем временем мой брат Юра и я работали, и жизнь текла своим чередом. В конце августа - начале сентября 1941 года поползли упорные слухи, что из нашей группы образуют отряд, и что если нас будет меньше 500 человек, формирование не состоится. Это оказалось очередной уткой, породившей, тем не менее, большой порыв среди нас.

А между тем генерал Скородумов спокойно и дельно вел переговоры с немецким командованием о создании

Русского Корпуса из чинов бывших боевых полков Белой Армии. Конечно, он не был один в этом стремлении, но идея и проведение ее в жизнь неоспоримо были его.

Создать отряд предполагалось на добровольческих началах, не только из русских, проживающих в Белграде, но также из остальных, живущих на территории Югославии.

По последующим данным, переговоры длились довольно долго, и в начале сентября 1941 года немцы дали свое согласие на создание и формирование Русского Корпуса.

Слухи, что передавались шепотком и «по секрету всему свету» в Русском Доме, прошли и замерли. Но что-то чувствовалось, что-то молча надвигалось, нарастало неопределенное напряжение в ожидании чего-то.

Десятого сентября генерал Скородумов сообщил полковнику Гордееву-Зарецкому о необходимости отправить группу людей занять часть казарм в Топчидере (окраина Белграда) для формирования отряда. Узнав новость, все рвались попасть в эту группу. Считалось за честь быть зачисленным в неё.

Конечно, выбор большинства пал на старейших членов отряда. Брат и я упросили включить и нас. Заручившись согласием нашего начальника, остались ждать окончательного выбора участвующих. Швейная мастерская спешно начала шить юнкерские погоны для всего отряда. Нас обмундировали, правда, штаны были собственные, выдали пилотки. Предстали мы, построившись, пред ясные очи полковника, он нас поздравил как первый отряд будущего корпуса. Приказав явиться нам в пять часов утра 12 сентября, отпустил по домам. Поздравительные крики сопровождали нас. «Война! Война!» - кричали взрослые и утирали слезы радости. Радостные лица окружали нас, и чувствовалось:

*Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамёна чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
(М. Ю. Лермонтов, 1829)*

Накинув плащи на наши гимнастерки, мы шли домой с тревогой в сердце: вызвались на дело, а с матерью не посоветовались и не предупредили. Стыдно стало и мерзко на душе, но что ж поделать, мы шли к ней с повинной, повесив головы. Сняв плащи в коридоре, предстали перед мамой. Она, в восторге от нашего вида,

рассыпалась в похвалах и просила то одного, то другого: «А ну-ка повернись, дай посмотреть! Повернись, да не туда! Ко мне боком!» Особенно крутила Юрку, Юрке форма очень шла, красив был парень! И как горько она была поражена, когда мы оба, упав на колени перед ней, просили ее благословения идти на рать. Были слезы, попытки отговорить нас, но, увидев, что все усилия тщетны и наше стремление непреклонно, она, прижав нас к себе, благословила: «Да благословит вас Господь и Матерь Божья на этот путь и даст вам сил и сохранит вас! Идите! Отец ваш за родину боролся, боритесь и вы!»

Как тяжело было ей, я могу понять сейчас, после стольких лет, уже сам будучи отцом. Остаться одной, без сыновей, чувствовать себя одинокой в мире. Жестока молодость, идущая напролом и жертвующая материнской любовью.

Весь день 11 сентября мы провели у матери, ухаживая за ней, прошёл он у нас в торжественной обстановке, и всё это было мило и дорого тогда, а сейчас так далеко.

Пустой, холодный, пропахший застоявшимся табачным дымом, встретил нас в пять часов утра зал Русского Дома, место сбора юнкерского взвода. Единственный человек в полутёмном углу зала сидел и наблюдал за нами. В пальто и шляпе он не привлекал нашего внимания, мы решили, что это ночной сторож. Все в сборе. Назначенный нашим начальником Владимир Гранитов, глядя на часы, заявил громко: «Подождем еще пять минут полковника», на что из угла усталый голос сказал: «Я здесь!» - и сидящая в углу фигура выпрямилась и двинулась к нам. Как потом узнали, просидел он одиноко всю ночь, обуреваемый мыслями о будущем, забыв о доме и семье.

Полковник дал нам инструкции, рассказав о нашей задаче охраны казарм, о нашем поведении (не ударить лицом в грязь перед немцами!), о приёме первых поступающих и о поддержании связи с ним через дежурных велосипедистов или мотористов из Русского Дома.

К восьми часам дамский комитет накормил нас, а к девяти прибыл генерал Скородумов, осмотрел наш строй, подбодрил нас своей речью, приказал подняться на террасу, где нас ожидал фотограф.

Было сделано несколько снимков, после чего мы, надев кто пальто, кто плащ, двинулись с полковником Гордеевым-Зарецким в казармы. Трамвай довёз нас до казарм, где в строю у ворот мы стали ждать появления дежурного офицера караула.

Тем временем в Русском Доме имени Государя Николая Второго, в присутствии собравшихся русских, генерал Скородумов в сопровождении генерала Штейфона, генерала Крейтера и других лиц русского общества прочёл воззвание-приказ Отдельному Русскому Корпусу об основании его в день святого Александра Невского 12 сентября 1941 года.

Этот приказ был как клич к бывшим бойцам Белого Движения. **На войну! Собирайтесь, бывшие полки!** И глухо били поход барабаны.

Вздрыгнули бывшие воины и, мощно вздохнув, по-старинному ответ дали: «За Русь. Пошли!»

Русский Корпус на Балканах. Юнкера 1-ой роты 1-го полка на учениях. Сентябрь 1941 года. Лежит за пулеметом Олег Плескачёв.

ДВА ВЗГЛЯДА НА СКАНДАЛ С КОРПУСНЫМ ДОМОМ

ИХ НАСТИГНЕТ СУД БОЖИЙ

Последний нам известный устав Союза Святого Александра Невского в Аргентине, объединявшего чинов Русского Корпуса на Балканах, гласил что «в случае растворения Союза, всё оставшееся имущество переходит во владение Русской Православной Ассоциации» (а не мне лично, как говорились).

Этот момент не понравился некоторым лицам, раньше ожидавшим «свою долю» от сего наследства, и нам известно о разных попытках осложнить данную передачу. То есть хотели продать Корпусной Дом и сделать так, чтобы эти средства постепенно исчезали ДО растворения Союза.

В своё время, для упрощения дел связанных с этой передачей, был изменен легальный адрес Союза на адрес нашего Троицкого Собора. Сюда должны были приходиться всякие официальные оповещения. Так и произошло когда квартиранты отправили председателю Союза, г-ну Александру Пащенко, приглашение на предсудебный разговор.

Однако о продаже дома, никакого оповещения по адресу Собора не было получено. Когда начался конфликт между квартирантами и Пащенко, и та и другая сторона просили моё вмешательство для мирного разрешения вопроса. Я постарался сделать всё возможное вплоть до того, что квартиранты согласились подписать договор об освождении Корпусного Дома (который, на самом деле, никогда не думали узурпировать, ибо пока жива была Нонна Марковна Дубко, конфликтов не было).

Они исполнили своё слово. Со своей стороны, Пащенко обещал не нападать на них больше, включить воду, электричество и газ и действовать открыто и прозрачно в случае продажи Дома и в деле последующего распоряжения деньгами... Не могу

свидетельствовать об исполнении своего слова со стороны Пащенко.

Тем временем, я обошёл всех возможных лиц имеющих что-либо общее с историей Союза Св. Александра Невского. Встречался я с бывшими и современными членами Союза, а также с потомками его основателя.

К сожалению, после всех этих встреч разговоров (в позапрошлом и прошлом году), у меня сложилось одно общее впечатление: несмотря на очевидные намерения Пащенко распорядиться суммой от возможной продажи Корпусного Дома не для общих исторических целей Союза, часть членов Союза (в престарелом возрасте) не могла или не хотела заниматься этой проблемой. Другая же часть думала только о том, как получить «свою долю».

Перед этой картиной, я решил отойти и не быть больше использован кем либо.

Другая печальная часть этой истории – это судьба церковной утвари, икон и иконостаса часовни, находившейся при Корпусном Доме. Этот конец тоже можно было предвидеть. Но, к сожалению, все старания и попытки перевести и спасти часовню были ни к чему...

В память и честь героев-основателей Союза Св. Александра Невского, я буду делать всё, что в законных силах, для выяснения этого позора. Личных интересов у меня в этом нет. Что касается денег от подозрительной продажи, то рано или поздно всё станет известно. И Суд Божий настигнет каждого участника. Не забудем: «Нет ничего тайного, что не стало бы явным».

Я бы не хотел, чтобы опять без-основательно сочетались моё имя с денежными вопросами, потому стараюсь избежать быть причиной соблазна для некоторых.

Прот. Александр Ивашевич

ПРАВДА О "ЗАХВАТЧИКАХ"

Меня очень огорчила реплика Е. Яковкина о Корпусном Доме ("НС" 3054). Если я не путаю, недавно вышла его книга о русских военных эмигрантах, служивших в армии Китая и где-то ещё на Дальнем Востоке в 1920-х годах. То есть человек он, видимо, серьезный.

Что это значит «из-за рейдерского захвата Корпусного Дома новыми эмигрантами»? Когда он это написал, он, видимо, еще не прочёл статью Н. Казанцева про Корпусной Дом в январском номере "НС", а воспользовался лишь слухами.

Мне давно хотелось рассказать, что там произошло между Пащенко-Плищенко и «захватчиками». Когда умерла администратор Н. М. Дубко, в доме и жило-то всего человек 10, так как Нонна Марковна давно говорила, что Дом будет продан и новых жильцов не селила. Умерла она в октябре 2014 года. Я, как сотрудница Корпусного Дома, была с ней в очень тяжелых отношениях, но нужно отдать ей справедливость: при ней никогда бы никакого «захвата» не было. Нонна Марковна была действительно хозяйкой. Что бы ни случилось в Корпусном Доме (прорвало воду, нет света и пр.) - она могла примчаться среди ночи с рабочим и всё уладить и починить.

Дом при ней был в порядке (кроме того, что он уже ветхий был, естественно). После её смерти всем занимались А. Пащенко и не столько Т. А. Плищенко, сколько её дочь Ольга. И начались скандалы. Они единственно чего хотели - скорее продать Дом и получить деньги. Душ летом не работает уже две недели ни холодный, ни горячий? - «У нас нет денег». Вода льется на землю, а в кранах ее нет? - «Мне некогда этим заниматься».

А ведь неправда, что жильцы не платили. У них все расписки на руках остались. Они платили вплоть до скандала в мае или июне 2015 года, а цены на комнаты, естественно, росли (все цены растут в Аргентине) - но если люди платили как в нормальном пансионе - то они должны иметь те удобства, как и в пансионе, хотя бы бесперебойно газ-воду-свет. Нонна Марковна умела улаживать конфликты. А эти шли напролом. Но жильцы всё же люди, а не свиньи, которые могут неделями не мыться!

И все честно работали по-белому и платили. У меня не было никакой дружбы с жильцами. Они иногда брали книги в библиотеке, всё было вежливо, но без всякой личной дружбы. Я просто стою за истину.

Итак в мае или июне 2015 года в один прекрасный день А. Пащенко заявил жильцам: «Дом продан, выметайтесь отсюда». В присутствии ему «вежливой» форме. «Дом продан, выметайтесь» - голосила и Ольга Плищенко. Давали, кажется, неделю на выезд. И вот тут началось... я не оправдываю жильцов, вешать новые замки на ворота нехорошо, но они действительно чужой собственности захватывать не хотели. Две семьи, между прочим, прожили в Корпусном Доме по 15 лет. Короче говоря, была бы жива Нонна Марковна, конфликт бы был улажен. Но нашла коса на камень.

А тут ещё на глазах у жильцов распродалось всё - вплоть до садовых скамеек, прекрасного камин в гостиной, даже старых кроватей - распродалось Пащенко-Плищенко. На какого

«адвоката» собирали деньги Пащенко-Плищенко? Тогда не был нужен Пащенко никакой адвокат. И неправда, что не было денег...

Короче, жильцы (я их не оправдываю) врезали новый замок в калитку. Пащенко же с каким-то рабочим ночью отрубил жильцам свет и газ. А потом и воду отрезал. Можно спросить отца Александра Ивашевича, как он мучается с захватчиками на улице Карлос Кальво. Но по закону - воду он не имеет права отрубить и исправно за неё сам платит. Вырубили всё.

Потом жильцы собрали деньги и через соответствующее ведомство официально воду подключили. И наняли адвоката. Газа так и не было до конца, а свет они провели нелегально.

Не кажется ли странным, что жильцы («захватчики») первым делом обратились к о. Александру Ивашевичу? Представитель от них приехал на улицу Бразиль 315 и очень просил о. Александра разобраться в ситуации. Просили помочь и меня. Итак, примерно в июле-августе 2015 года мы с отцом Александром приехали в Корпусной Дом. Два неглупых подсоветских инженера предложили отцу Александру следующий вариант. «Может быть, не продавать Корпусной Дом? Сохранить его? Мы тут поживём, будем платить на Церковь, но как-нибудь избавьте нас от Пащенко-Плищенко. С Пащенко-Плищенко мы не будем иметь никаких дел». Таким образом, «окупас» (через забор они что ли влезли?) превращаются в просто очень бедных, но и честных подсоветских людей.

Тогда же подсоветские жильцы лелеяли и другой план. Ни со «стариками», ни с их потомками они знакомы не были. «Но ведь есть какое-то Правление?» - спрашивали они. «А что если бы потомки переизбрали это Правление, чтоб убрать оттуда Пащенко-Плищенко? Пусть будут нормальные люди. Хорошо бы, чтоб одного ответственного человека взяли туда и от нас - жильцов, по ремонтам и сбору денег» - говорили они.

Большие надежды возлагали они на потомков. Но потомки собрались один-единственный раз в доме Елизаветы Бауман. Охали, говорили, что вот бы хорошо увидеть сам устав Союза Святого Александра Невского, убедиться куда пойдут деньги от продажи. Но дальше не пошли: у каждого семья, работа, свои проблемы...

Мария Кублицкая

Несбывшееся...

В 1-ой Русско-Сербской Гимназии Белграда лучшими подругами моей матери, Клары Флоренской, были Катя Околович (дочь известного руководителя НТС - содидаристов) и Наташа Витковская. Родители последней отошли в лучший мир во время Второй Мировой войны, но ещё до её окончания Наташа умудрилась получить в Австрии хорошую работу.

Всегда изящно одетая, она была весьма миловидной.

В Вене к ней в дом ходил безумно влюбленный в неё 45-летний немецкий военный служащий. После окончания войны немец исчез, и в неё влюбился бравый лейтенант Русского Корпуса Олег Плескачёв.

Он ей говорил: «Всё прошу, только выйди за меня замуж». Однако она упорно не соглашалась. На вопрос моей матери, почему она отказывается от такого хорошего человека, Наташа ответила, что Олег «слишком красивый». Диковинное возражение... Быть может она ещё была влюблена в того немца?

Позже Наташа Витковская вышла замуж за француза, но её семейная жизнь сложилась неудачно. Когда она наконец бросила изменявшего ей мужа, отца её троих детей, Наташа возмечтала разыскать Плескачёва и на этот раз выйти за него замуж. Она связалась с редактором органа Союза Чинов Русского Корпуса, журнала «Наши Вести», Н. Н. Протопоповым, чтобы выведать: свободен ли Олег Николаевич? Оказалось, что не свободен и живёт себе припеваючи без неё.

Посещая мою мать в Аргентине, Наташа Витковская горько сетовала на свою тогдашнюю привередливость.

Всех лиц, названных в этой истории, уже нет среди нас...

Н. Казанцев

БЕССТЫДСТВО ЛИСКИНА

На своём новом сайте пресловутый И. Иванов-Лискин пытается «присвоить» себе покойного О. Н. Плескачёва. Я же, бывший в контакте с Олегом Николаевичем вплоть до его кончины, свидетельствую, что на него Лискин произвёл нехорошее впечатление ещё при знакомстве в Питере. А уж после того как обнаружилось, что Иванов-Лискин сотрудничает с чекистами, лейтенант Русского Корпуса с отвращением от него отвернулся.

Н. Казанцев